

Е. Левко

ГЕРОИ, ОБРАЗЫ, ПРЕДМЕТЫ И СПОСОБЫ ИХ НОМИНАЦИИ В СКАЗКАХ ТУВЕ ЯНССОН

В данной статье рассматривается, какие функции играет изображение предметов и реалий повседневности в универсуме мира муми-троллей. Автор статьи отмечает, что за счет переосмысления образов обыденных предметов фантастический мир Муми-дола, изображенный Туве Янссон, приобретает черты особой узнаваемости и уюта, и что некоторые предметы играют роль важной художественной детали в создании образов тех или иных персонажей.

Ключевые слова: детская литература, Туве Янссон, муми-тролли, художественная деталь.

Мир детей — своеобразный, резко очерченный ландшафт, выдержанный в строгих тонах, где безопасность и страдание идут рука об руку, подстраховывая друг друга. В этом мире есть место абсолютно для всего на свете. Отсутствие здравого смысла переплетается здесь с железной логикой. Есть в этом нечто от сюрреализма, от сновидений, от реальности каждого дня в его фантастическом обрамлении... [Янссон 1966]

Эти слова, сказанные Туве Янссон в 1966 г., не только дают определение миру детства, но и в значительной степени характеризуют ее творческую манеру. В сказочных повестях Туве Янссон о муми-троллях присутствует пласт и фантастический, и реальный, но существуют они не изолированно друг от друга, а переплетаются, органично сливаясь в единое целое. Каковы же составляющие этого мира? При помощи каких художественных приемов создается фантастический мир муми-троллей и как он взаимодействует с реалиями нашей повседневности? Одним из таких приемов является концептуализация обычных, и, зачастую, самых тривиальных предметов и явлений.

В данной статье условно выделяется несколько групп таких концептуализированных предметов и явлений, за счет изображения которых создается уникальность волшебного мира Туве Янссон. Тривиальные предметы нашего обихода, смена времен года,

еда и напитки, то есть то, с чем читатели сталкиваются ежедневно в повседневной жизни и в своем быту, на страницах книг Туве Янссон приобретают новое, поистине философское звучание.

Одной из составляющих образа волшебного мира, созданного на страницах книг о муми-троллях, является *предметная сфера*. Жизнь героев протекает среди обычных вещей человеческого обихода, в то же время некоторые из этих предметов становятся неотъемлемыми элементами образов и приобретают особую важность и значимость не только для конкретного персонажа, но и в рамках всего повествования. Таким образом, в предметном мире выделяется группа *предметов-атрибутов*, по которым узнаются персонажи и через которые описывается их эмоциональное состояние. Сюда можно отнести весь набор вещей, с которыми ассоциируется Снусмумрик: его шляпа, губная гармошка и курительная трубка, с которой даже связано его имя, о чем пойдет речь ниже. В эту же группу попадает челка Фрекен Снорк, здесь особенно показателен тот момент, когда она остается без нее, а также сумка Муми-мамы.

Черная сумка с четырьмя карманчиками является неизменным атрибутом Муми-мамы. Она настолько прочно связана с образом, что без сумки даже Муми-папа с трудом узнает свою жену: «Без сумки она какая-то совсем другая. Когда Муми-мама без сумки, она словно чужая. Я никогда прежде не видел ее без сумки» [Янссон 1948].

Наличие сумки становится символом спокойствия и гармонии, тогда как ее отсутствие или невнимательно отношение к ней Муми-мамы сразу сигнализирует читателю, что что-то не так. Это ярко видно в следующих примерах:

«Она заглянула *как всегда* в свою сумку, притушила лампу» [Янссон 1965] — уточнение «как всегда», идущее рядом с упоминанием о сумке, создает привычный ряд действий (*здесь и далее курсив мой*. — Е. Л.). А в следующем отрывке тот факт, что Муми-мама оставила свою сумку, идет в одном перечне с «самым необычным» и при этом выделяется из ряда усилением при помощи наречия «даже», что сигнализирует о сбое в привычном распорядке и о начале приключений: «Из всего необычного *самым необычным* было то, что Муми-мама заснула на новом месте, не распаковав вещи, не приготовив постели, не пожелав всем спокойной ночи перед сном. Она *даже* оставила свою сумку на песке. Это было страшновато и в то же время весело, это означало, что произошли настоящие перемены» [Янссон 1965]. Ведь обычно вдали от дома

Муми-мама всегда спит, положив сумку под голову: «И она подоткнула всем под ноги одеяла и заснула, положив свою сумку под подушку» [Янссон 1948].

Важность сумки очевидна, это один из тех предметов, которые спасает Муми-мама во время наводнения: «Муми-мама сидела на крыше в обнимку с сумкой, шкатулкой, кофейником и семейным альбомом. Время от времени она отодвигалась от подступающего к ней моря» [Янссон 1954].

Сумка Муми-мамы напоминает обычную дамскую сумочку, наполненную всякой всячиной, и, когда Муми-мamu спрашивают, есть ли в сумке важные вещи, она сразу отвечает: «Нет. Только вещи, которые могут неожиданно понадобиться». Тем не менее, в разных трудных ситуациях из сумки всегда извлекалось на свет самое необходимое: порошки (разные), сухие носки, стальная проволока, карамельки, пробочник, береста, шоколадный пряник «и еще всякая всячина»: «Муми-мама не стала браниться, а, вытащив из своей сумки два разных порошка, дала каждому тот, который был ему нужен» [Янссон 1945]. А в других случаях сумка наоборот пополняется новыми вещами, которые могут пригодиться в будущем: «И она вытащила из сумки большой шоколадный пряник, который захватила с собой из удивительного сада пожилого господина. Разломав его пополам, она оделила поровну и зверька, и сына» [Янссон 1945].

Поэтому исчезновение сумки в «Шляпе Волшебника» становится даже более масштабным событием, чем уход Снусмумрика из Долины Муми-троллей. А когда сумка найдена, то в пиришестве по этому поводу принимают участие все жители Муми-далена. Но и то время, что Муми-мама провела без сумки, ее сумка выполняла еще одну важную функцию — была спальней для Вифслы и Тофслы [Янссон 1948]. А в «Опасном лете» в сумке как-то раз спряталась малышка Мю [Янссон 1954].

Еще один важный предмет, который неразделим с героем, это губная гармошка Снусмумрика. Она передает эмоции героя и реагирует на погоду, отражая общее настроение, «висящее в воздухе». Особенно она важна еще и потому, что Снусмумрик путешественник, и «радость обладания вещами была ему совершенно чужда. Он вполне обходился старым платьем, ... и единственное, с чем он никогда не расставался, была губная гармошка.» [Янссон 1948]. В его репертуаре есть утренние и сумеречные песни, романтические мотивы, станинные напевы и летние мелодии, и самая веселая песенка «Все зверюшки привязали бантики к хвостам».

По звукам губной гармошки всегда можно найти Снусмумрика: «Муми-тролль побежал прямо на музыку и внизу у реки увидел Снусмумрика» [Янссон 1948].

Гармошка, как живое существо, реагирует на то, что происходит вокруг. В тумане, в опасной ситуации, из нее исчезают все звуки: «Снусмумрик достал губную гармошку, но не смог извлечь из нее ни звука. Паром выдуло из нее все ноты. — Плохо дело, — огорченно сказал он» [Янссон 1946]. Целостность гармошки неотделима от целостности остальных героев: « — Мы целы или мне только так кажется?... — И шляпа с гармошкой тоже, — сказал Снусмумрик» [Янссон 1946]. Постепенно все звуки возвращаются в губную гармошку, и это значит, что опасность миновала.

В то же время губная гармошка передает и настроения самого Снусмумрика, как бы разговаривает за него с другими персонажами: «В эту ночь он не наигрывал мелодий, и из его гармошки вырывались лишь отдельные звуки, напоминающие то вопросительные, то утвердительные восклицания, которые обычно означают, что вы не знаете, как ответить своему собеседнику» [Янссон 1962].

Но помимо исполнения всеми любимых песен, Снусмумрик и сам сочиняет разные мелодии. Описание рождения мелодии требует особого внимания: Снусмумрик отгоняет от себя прочие мелодии, ждет, когда окончательно созреет новая песня [Янссон 1970], но и это еще не все: «Эта мелодия звучала в нем уже много дней, но он все не решался выпустить ее на волю. Она должна была как следует подрасти и прихорошиться, стать настолько самостоятельной, чтобы все ее звуки радостно попрыгали на свои места, как только он прикоснется губами к гармошке» [Янссон 1962]. И мелодия тоже живая — она не только зреет и звучит, она еще и подрастает и прихорашивается, словно маленькая девочка или зверек, и только, когда она становится достаточно самостоятельной, ее можно выпустить на волю.

Так, через обычные предметы образ героев становится более объемным и близким читателю. Пусть Снусмумрик и Муми-мама существа выдуманные, но что может сделать их более реальными, как не привычная для взрослого мира идея дамской сумочки, наполненной всякой всячиной или губная гармошка как некий атрибут странствующего барда.

Отдельный большой пласт в сюжетах о муми-троллях составляет описание приемов пищи, а так же *еды* и *напитков*. Тема еды, с одной стороны, связывает вымышленный волшебный мир с реаль-

ным миром людей, где тоже любят кофе и оладьи с вареньем, и в тоже время придает миру муми-троллей особый уют. При этом значение некоторых блюд и напитков возводится в своего рода философскую категорию, через которую регулируется и оценивается эмоциональный фон того или иного эпизода или передаются перемены в настроении героев. Выпивание чашечки кофе превращается в ритуал, а поглощение варенья становится мерилom доброты: «Кто ест оладьи с вареньем, тот не может быть таким уж страшно опасным. С таким можно говорить» [Янссон 1948].

Во всех книгах Муми-мама варит самое разное варенье: клюквенное, малиновое, брусничное, клубничное, причем «на всех банках указан год, когда оно сварено, а крышка обвязана красным шнурком!» [Янссон 1957]. Варенье может поднять настроение в трудную минуту: «Может быть, чашка чаю со смородиновым вареньем могла бы спасти меня» [Янссон 1954]. В сложной и опасной ситуации Муми-мама успокаивает Сниффа при помощи варенья:

— За мной гонятся... Тайное общество... — пролепетал он. — Они схватят меня, и тогда...

— Пока я с тобой, этого не будет, — сказала Муми-мама. — На вот, вылижи блюдечко с вареньем [Янссон 1946].

А во время Волшебной зимы погреб с вареньем спасает всех лесных жителей. «Кто-то пустил слух, что там есть рябина и целый погреб с вареньем. Хотя насчет варенья это, верно, тоже были только слухи...» [Янссон 1957]. Но Муми-мamu, когда она просыпается от спячки и видит пустой погреб, это несколько не расстраивает: «И все мне твердили: “Незачем варить столько варенья», — а оказалось, что оно все съедено» [Янссон 1957].

Рядом с вареньем часто идут оладьи. Золотистые оладьи едят на завтрак, оладьями задабривают волшебника и даже используют как наживку при охоте на таинственного Мамелюка, а апогеем праздника становится тот момент, когда «в сад выкатили новые тачки с оладьями» [Янссон 1948], причем для такого количества оладий тесто приходится замешивать в ванной. Эта удивительная гипербола, где оладьи, которые обычно едят поштучно, сочетаются с объемами ванны и тачки, делает из тривиального повседневного блюда настоящее праздничное угощение, которое не может не обрадовать кого угодно. Именно поэтому волшебник, который не ел оладий вот уже несколько десятилетий, вызывает у всех чувство жалости: «— Да, спасибо, — отвечал Волшебник. — Последний

раз я ел оладьи восемьдесят пять лет назад. Всем сразу стало его жалко, и все подошли еще ближе» [Янссон 1948].

Похожим образом пытаются привести в чувства и рыбака в повести «Муми-папа и море», только уже при помощи кофе:

— Как насчет хорошей чашки кофе? — крикнул Муми-папа, пытаюсь перекричать ветер. — Не знаю, прошло столько времени с тех пор, как я пил кофе... — Голос рыболова звучал, как треснутая жестяная свистулька. Муми-троллю вдруг стало ужасно его жалко [Янссон 1965].

Почему же такую жалость вызывают у жителей Мумидалена волшебник, который давно не ел оладьи, и рыбак, который давно не пил кофе? Кофе, так же, как и оладьи с вареньем, становится у Туве Янссон неким мерилom привычной размеренной жизни, которой нет у рыбака и которая может неожиданно закончиться, как и кофе: «— Да и утреннего кофе тоже нет, — сказал Муми-папа. Мама посмотрела в сторону крыльца, ведущего в гостиную. Крыльца не было, оно скрылось в беспокойной воде» [Янссон 1954].

Но даже во время наводнения в «Опасном лете» герои умудряются сварить кофе, что символизирует их стремление поддерживать традиции дома, уют и привычный уклад жизни даже в самых тяжелых ситуациях: «Давай я нырну за банкой с кофе? — предложил Муми-тролль». [Янссон 1954] За банкой с кофе пришлось нырять, на дрова пустили стул, «который никогда никому не нравился» [Янссон 1954], и все для того, чтобы вернуться к тому каждодневному ритуалу, который несет спокойствие, не важно, что окружает героев: наводнение, шторм, непогода. «Они сидели и пили кофе, и все вдруг сделалось совершенно естественным и правильным» [Янссон 1965].

Кофе становится своеобразным знаком правильности и устойчивости обычной жизни, которая не таит в себе зловещих опасностей. А в некоторых эпизодах кофе связан с ощущением радости и радостного времяпрепровождения: «И теперь все были вне себя от радости и собирались варить кофе» [Янссон 1954].

Наличие кофе радует и возвращает привычный распорядок жизни, а его отсутствие может стать поводом для огорчения:

— А сейчас я хочу кофе.

— Кофейник остался на плоту, — сказал Снусмумрик.

Муми-тролль бросился к расщелине и заглянул в нее. — Плот сорвало и унесло, — жалобно проговорил он. — Кофейник уехал в подземное царство! Как же мы теперь без кофе? [Янссон 1970]

Похоже, что никто из героев не может без кофе. Чашечка кофе меняет настроение Хемуля и возвращает ему потерянное спокойствие: «Не надо было никуда спешить. На веранде его ждал кофе. Все было *ясно и просто*, все шло само собой»; «– Все начинает *наслаживаться!* Сейчас мы подбросим дров и выпьем еще кофейку, идет?»; «Я варю кофе, чтобы всем было *приятно*»; «От кофе в животе у него потеплело, он стал вдруг беспечным и весело сказал: — Послушай, мы, кажется, *понимаем* друг друга» [Янссон 1970].

Кофе становится символом ясности и простоты, от кофе наслаживается жизнь и возникает взаимопонимание. С кофе начинается каждое утро, дымок над домиком в Мумидалене означает, что Муми-мама варит кофе, Снусмумрик без чашечки кофе не может начать сочинять новые мелодии для своей губной гармошки. Не только спокойное утро, но и бурное веселье, сопровождается выпиванием множества чашек кофе: «Эту ночь невозможно описать! Такого количества вопросов, восклицаний, объятий, объяснений и чашек кофе еще не видела ни одна веранда» [Янссон 1950].

Кофейные аксессуары также активно вовлечены в повествование. В повести «Дитя невидимка» Снусмумрик кладет в кофейник дракончика, а в «Мемуарах папы муми-тролля» описывается зверек, который жил в банке из-под кофе и коллекционировал пуговицы [Янссон 1950].

Янссон превращает обыденные ежедневные взрослые ритуалы в действия, символизирующие спокойствие и стабильность мироздания. Наша вера в то, что чашечка хорошего кофе поможет решить глобальную проблему, фактически овеществляется на страницах ее книг.

Еще одной художественной деталью, при помощи которой конструируется волшебный универсум Мумидалена, можно считать описание *времен года*. Этой, на первый взгляд, тривиальной категории времени, уделяется особое внимание: названия месяцев и времен года даже выносятся в заглавия книг: «Опасное лето», «Волшебная зима», «В конце ноября». Смена времен года связывается с определенными ритуалами и действиями героев. Каждый из них по-своему переживает наступление зимы или осени. Для Снусмумрика наступление осени — это сигнал к новым путешествиям в одиночку, с приходом зимы семья муми-троллей погружается в спячку. Времена года в своем круговороте приобретают философское звучание: «В Муми-дол вступает прохладная осень, и так надо потому, что без нее не бывает новой весны» [Янссон 1948].

И не всегда очевидны причинно-следственные связи между действиями обитателей долины Муми-троллей и сменой сезонов:

— Ты положила конец лету. Нельзя зажигать лампы, пока лето настоящему не закончится. — Что ж, в таком случае наступит осень, — как всегда спокойно ответила Муми-мама [Янссон 1965].

Ранним утром, проснувшись в своей палатке, Снусмумрик почувствовал, что в Долину муми-троллей пришла осень... Вмиг все вокруг меняется, и тому, кому пора уезжать, нельзя терять ни минуты... Его друзья проснутся поздним утром и скажут: «Он ушел; стало быть, наступила осень [Янссон 1970].

Кажется, что осень наступает потому, что Муми-мама зажигает лампу, а Снусмумрик отправляется в путь, а не наоборот. Конец осени в книгах Туве Янссон ощущается как особое время. Мир не просто делится на тех, кто заготавливает свой домик для зимней спячки, и тех, кто бодрствует зимой. Это разделение приобретает более философский размах: «Есть на свете те, кто остается, и те, кто собирается в путь. И так было всегда. Каждый волен выбирать, куда есть время, но после, сделав выбор, нельзя от него отступить» [Янссон 1970]

Особую категорию представляют все *жители* Муми-далена: выдуманные существа забавного вида. Интересно, что наряду с хемулями, снорками и муми-троллями здесь обитают вполне привычные сказочные персонажи, как, например, дракончик в рассказе «Дитя-невидимка» или вовсе самый обычный котенок (повесть «Маленькие тролли и большое наводнение»), которые увязывают мир, созданный Туве Янссон с миром фольклорной сказки и с повседневной реальностью. Пантеон вымышленных существ в книгах Туве Янссон, несомненно, заслуживает отдельного внимания, но размеры настоящего исследования позволяют нам сконцентрироваться лишь на небольшой его части, а именно антропонимической.

Обитатели мира муми-троллей, как правило, изображены ярко и узнаваемо, с использованием гротескных деталей, даже если они упоминаются мельком. Так Снорк меняет свой цвет в зависимости от настроения, Фильфьонка не любит родственников, но считает необходимым выказывать родственные чувства, Ондатр любит философствовать, но при этом все остальные должны ухаживать за ним. Каждый герой мумии саги — это и яркий персонаж, и, в то же время, психологический образ, наделенный определенными

человеческими чертами. Создавать такие образы писательнице во многом помогает прием значимого имянаречения.

Так, имя путешественника *Снусмумрика* — *Snusmumriken*, чьим основным атрибутом является курительная трубка, связано со шведским словом *snus* — курительный табак [Ефремова, 1999, с. 324]. Интересно, что на английский язык это имя переведено как *Snufkin* при помощи похожего слова *snuff* — нюхательный табак или порошок, понюшка, то же сделано и в финском переводе *Nuuskamuiikkunen* от финского *nuuska* — нюхательный табак [Вахрос 1999, с. 407], а в немецком переводе (*Der Mumrik*) и в русской транслитерации (*Снусмумрик*) это значение потеряно.

Еще одно имя, потерявшее свое значение без перевода — *Хемуль* / *Hemulen*, образованное от шведского слова *hemul* — 1) юридический документ на право чего-либо, поручительство, рекомендация, 2) доказательство обоснованности чего-либо [Ефремова 1999, с. 150] Второе значение слова делает этот антропоним особенно говорящим: Хемуль является персонажем, который пытается подчинить определенным правилам не только свою жизнь, но и жизнь окружающих,

Lilla My — *Мальшка Мю* — в отличие от примеров, описанных выше, имя этого персонажа мотивировано фонетически, как и ряд других имен, поскольку существует практика приписывания символического значения звукам на основе артикуляции. В частности звуки, произносимые с вытянутыми губами, могут ассоциироваться с плохим настроением, насмешкой и презрением. [Долинин, 1987, с. 120]. Именно с этим ассоциируется Мальшка Мю, вредная, агрессивная, старающаяся постоянно кому-нибудь досадить.

Образ некоторых персонажей дополняется особой манерой говорить — как, например, «загадочный» язык Тофслы и Вифслы, сконструированный по модели секретных детских языков.

Таким образом, основными характеристиками сказочного мира является не только его пространственно-временной континуум, но и его предметная наполненность. В рамках поля одной волшебной сказки или цикла сказок с единым кругом персонажей можно выделить несколько однородных предметных групп, особое отношение героев к которым делает эти объекты ключевыми образами, своего рода концептами данного текста, и придает им ряд новых характеристик, которые могут отличаться от привычных читателю представлений.

С другой стороны, эти ключевые предметы не только формируют волшебный мир, но и сами по себе характеризуют определенных персонажей, которым они принадлежат или с которыми ассоциируются.

Источники

Янссон Т. «В сказке должна быть тропинка, на которой писатель останавливается — и ребенок продолжает путь в одиночку...» 1966. / пер. с англ. Л. Кацнельсон / цит. по интернет-републикации: URL: <http://ps.1september.ru/article.php?ID=200302015> (дата обращения: 30.07.2015).

Янссон Т. В конце ноября / пер. Н. Беляковой, 1970. URL: <http://www.tove-jansson.ru/books/mumi8.shtml> (дата обращения: 30.07.2015).

Янссон Т. Волшебная зима / пер. Л. Брауде, 1957. URL: <http://www.tove-jansson.ru/books/mumi5.shtml> (дата обращения: 30.07.2015).

Янссон Т. Дитя невидимка / пер. Л. Брауде, 1962. URL: <http://www.tove-jansson.ru/books/mumi6.shtml> (дата обращения: 30.07.2015).

Янссон Т. Маленькие тролли и большое наводнение / пер. Л. Брауде, 1945. URL: <http://www.tove-jansson.ru/books/mumi0.shtml> (дата обращения: 30.07.2015).

Янссон Т. Мемуары папы мумии-тролля / пер. Л. Брауде, Н. Беляковой, 1950. URL: <http://www.tove-jansson.ru/books/mumi3.shtml> (дата обращения: 30.07.2015).

Янссон Т. Муми-тролль и комета / пер. В. Смирнова, 1946. URL: <http://www.tove-jansson.ru/books/mumi1.shtml> (дата обращения: 30.07.2015).

Янссон Т. Муми-папа и море / пер. И. Хилькевича, 1965. URL: <http://www.tove-jansson.ru/books/mumi7.shtml> (дата обращения: 30.07.2015).

Янссон Т. Опасное лето / пер. со швед. Л. Брауде, 1954. URL: <http://www.tove-jansson.ru/books/mumi4.shtml> (дата обращения: 30.07.2015).

Янссон Т. Шляпа волшебника / пер. В. Смирнова, 1948. URL: <http://www.tove-jansson.ru/books/mumi2.shtml> (дата обращения: 30.07.2015).

Исследования

Вахрос И., Щербаков А. Большой финско-русский словарь. М.:Рус. яз., 1999. 816 с.

Долинин К. А. Стилистика французского языка. М.: Просвещение, 1987. 303 с.

Ефремова В. В. Шведско-русский и русско-шведский словарь. М.: ООО «НИК П», 1999. 912 с.